

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

И.М. Угрин

ФЕНОМЕН ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Аннотация. В статье рассматривается феномен Даниила Андреева — гениального русского поэта, писателя и мыслителя. Творчество Андреева — значительное и в то же время уникальное явление в русской культуре. С одной стороны, он продолжает традиции Серебряного века, с другой стороны, приоткрывает пути развития философии и культуры, привнося в них новые и порой неожиданные идеи. Его творчество находится на стыке искусства, философии и религии. Есть в нем и элементы научных изысканий, Андреев выдвигает свою концепцию истории, с помощью которой анализирует исторические процессы, прежде всего, в отношении российской действительности. Понять взгляды Андреева не так просто, поскольку в своих произведениях он опирается на тот глубокий и разносторонний духовный опыт, который ему открылся. Современная наука не обладает такой методологией, которая позволила бы с точностью разъяснить природу данного опыта, но по мере личного «одухотворения» становятся ясны те мотивы, которые двигали поэтом. Многие из того, к чему прикасается Даниил Андреев в своем творчестве, еще незнакомо и неведомо большинству из людей. Что вовсе не означает, что это было придумано писателем в угоду тех или иных целей. Именно факт неизведанности вызывает неподдельный интерес и заставляет с пристальным вниманием изучать наследие этого автора, поэта, которому удалось соединить независимость и свободу мысли с безусловную верой, подлинной, а не показной, религиозностью.

Ключевые слова: трансперсональное, одухотворение, трансфизика, метаистория, культура, духовидение, русская философия, религиозность, утопия, новый человек.

Прозревающий дали,
Постигающий рок.
Ты узнал холод стали,
Вонзившейся в бок.

Но не сломлен хребет,
И не сломлена воля.
Твоя, русский поэт,
Непосильная доля.

Не храним и не ценим
Откровений дары.
Кем ты был, русский гений,
Вестник новой поры?

Ее цвет — светло-синий -
Долгожданное время.
Быть поэтом в России -
Непосильное бремя.

12.08.2013.

Есть люди, которым удается поразительным образом сочетать в себе многое. Их душа много-

гранна, и наличие большого количества граней не мешает сверкать каждой из них в отдельности. К такого рода людям относится Даниил Андреев. Многогранность в цельности есть признак подлинной духовной жизни. Его супруга, Алла Александровна, говорила, что Даниил Леонидович, прежде всего, поэт. Но, как известно, поэт в России больше, чем поэт. В его поэтических произведениях чувствуется магнетическое напряжение мысли. Они насыщенно содержательны и уникальны как по стилю, так и по тематике. Андреев — писатель, поэт, философ и, к тому же, духовидец. Быть может, в начале духовидец, а потом философ, писатель и поэт. В этом сочетании неповторимость Даниила Андреева.

Одна из заслуг Андреева в том, что он открывает новые горизонты для развития науки. Можно ли его назвать ученым в современном смысле этого слова? Вряд ли. Даниил Андреев анализирует исторические события с опорой на свой визионерский опыт, через это пытаюсь устранить пропасть между «дольним» и «горним» мирами. Метод, которым он при этом пользуется, назван метаисторическим. История — это наука. Могут ли быть использованы

для выявления закономерностей исторического порядка новые, пусть и вызывающие недоумение или удивление у многих, методы? Собственно говоря, почему нет. Конечно, опыт подобный тому, который имел Даниил Андреев, не может быть проверен на свою достоверность апробированными способами. Но ведь сам факт наличия такого опыта, не только у Андреева, но у весьма значительного количества людей, показателен и вынуждает быть более внимательным ко всему, что связано с явлениями данного ряда. Игнорировать их, значит проходить мимо важной и интересной области жизни. Однако отличие Андреева от многих, имеющих трансперсональный опыт, в том, что он попытался ввести его, насколько это казалось возможным, в некое разумное русло, то есть соотнести правду иных слоев реальности с правдой происходящего в этом мире. Отсюда — метаисторических метод.

Второй метод, активно используемый провидцем в работе и также не имеющий аналогов, назван трансфизическим. Трансфизический метод рожден из желания описать пространство во всей его сложности. В том числе и пространство незримое, вообще недоступное для привычных чувств человека. О наличии иных более тонких уровнях бытия говорят почти все люди, обладающие мистическим опытом и интуицией сверхсознания. Такие упоминания мы находим у шаманов, индийских йогов, буддистов, даосистов, православных аскетов, у древних и современных духовных практиков самого разного толка и направлений. Андреев пытается осмыслить свой духовидческий опыт с двух сторон: как восприятие просторов, сокрытых от большинства людей, но вполне реальных, в которых жизнь идет иначе и которые по своей структуре весьма отличаются от известного, — здесь берет свой исток трансфизика; и видение исторического процесса как взаимодействия и борьбу сил, опять же доступных лишь для тонкого зрения, но от этого не менее значимых и, более того, играющих решающую роль в не замедляющем своего темпа ходе событий — в этом суть метаисторической парадигмы.

Есть еще и третий пласт в трудах Андреева — пророческий или, скромнее, прогностический. Писатель стремится не только описать прошлое и объяснить настоящее, исходя из своей парадигмы и своего опыта, но и прозреть в будущее, предугадать, что принесет с собой новая эпоха. Он намечает две альтернативные тенденции, условно говоря, «благую» и «дурную». В его представлениях они переплетаются, словно чередуя друг друга, равно

как и переплетаются в них действительно глубокое предвидение тех тенденций, которые уже явно обнаружили себя в XXI веке, и фантазия, поэтический вымысел. Но все три пласта вынесенных на суд читателя трудов Даниила Андреева связаны воедино той философией, той изначальной концепцией, благодаря которой многие элементы, кажущиеся непонятными взятые по отдельности, выстраиваются в ладно уложенную мозаику.

Концепция

Для человека нерелигиозного философия Даниила Андреева будет чужда. Если под религиозностью понимать не приверженность к какой-либо конкретной религиозной традиции, а, скорее, определенного типа душевный склад. У слепого бессознательного последователя той или иной религии взгляды Андреева вызовут, вероятно, также чувство отторжения, ведь они не вписываются в полной мере ни в одну из существующих традиций. Сам поэт относится к категории искателей, то есть к такому разряду людей, которые предпочитают самостоятельный путь к истине. Впрочем, это качество любого настоящего философа. Путь философа — всегда его личный путь, его мысли — результат его внутреннего диалога, посредством которого кристаллизуется его, опять же индивидуальный, опыт соприкосновения с истиной, тем, что проясняет ум и освобождает от иллюзий. Философия — это любовь к мудрости, говоря иначе, философия — это любовь к истине, жажда правды. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Ев. от Мф 5:6).

Андреев никогда не претендовал на абсолютность сделанных им выводов. Что делает ему честь. Искания истины привели поэта к той концепции, которая послужила основой для книги «Роза Мира». Один из ключевых тезисов ее — единство религий. Религий «правой руки», как он сам называет их. То есть таких, которые являются истинными, несут в себе истину, не абсолютную (таковая является достоянием только Всеведущего Субъекта), но именно истину. Им противостоят религии «левой руки», «в которых ложные утверждения не только обесценивают элемент истинного, но переводят всю систему в категорию отрицательных духовных величин»¹. В метафизическом свете к религиям «левой руки» применим термин «антирелигия». Все мировые религии, все религии, сыгравшие и играющие куль-

¹ Андреев Д.Л. Роза Мира. СПб.: Азбука, 2013. С. 70.

турообразующую роль, относятся, по Андрееву, к группе религий «правой руки».

Сам тезис о едином происхождении религий не нов. Один из самых ярких апологетов этого тезиса был индийский проповедник Рамакришна. Он не был интеллектуалом в западном смысле этого слова. Свои взгляды он выводил из весьма интенсивной духовной практики, венчаемой трансцендентальными состояниями. Шри Рамакришна в разные периоды своей жизни следовал путями ислама, христианства, различных йогических и тантрических направлений в пределах индуизма. Все они, по его свидетельству, приводили к реализации чистого сознания, которое в индуизме носит название нирвикальпа самадхи (букв. «постоянная медитация»). То абсолютное знание, к которому приобретаешь в итоге данной реализации, посредством языка не передается.

Другим сторонником тезиса о едином происхождении религий, как откровений одного единого Бога, был Бахаулла, персидский мыслитель и духовный лидер. Он попытался произвести реформу ислама, сделать его более демократичным и терпимым по отношению к другим вероисповеданиям, но реформа не удалась, сам Бахаулла был приговорен к пожизненному заключению, а последователи этой веры в Иране преследуются до сих пор. Результатом его усилий стало возникновение новой религии, веры Бахаи, численность последователей которой в настоящий момент исчисляется в 5–6 млн. человек.

И Рамакришна и Бахаулла жили в XIX веке, они были пионерами в продвижении мысли о единстве религиозных откровений, «одной истине, называемой разными именами». После эта идея получила широкое распространение. В России похожей позиции придерживался Л.Н. Толстой, писавший, что не хочет «быть христианином, как не советовал и не хотел бы, чтобы были браманисты, буддисты, конфуционисты, таосисты, магометане и другие. Мы все должны найти, каждый в своей вере, то, что общее всем, и, отказавшись от исключительного, своего, держаться того, что общее»². Особенно близка идея единства религий оказалась индийскому народу (хотя и радикальных противников ее нашлось в Индии немало), на сегодняшний день она уже стала неотделимой частью индийской культуры. Одним из самых успешных выразителей мысли о равенстве и относительной истинности всех религий стал М. Ганди, национальный

лидер и идеолог независимости, сумевшей благодаря своей философии сплотить разнородные массы многоконфессиональной страны.

Общим и для Рамакришны, и для Бахауллы, и для Андреева является то, что в своих умозаключениях они опираются на религиозный опыт, черпают знание из него. При этом не следует забывать, что «существует необозримый мир религиозных чувств и переживаний, бесконечно разнообразных, часто контрастирующих между собой, различных и по своему эмоциональному содержанию, и по объекту своей направленности, и по силе, и по тону, и, так сказать, своему цвету»³. Безусловно, мистический опыт трех названных выше людей разительно отличен друг от друга, но сам факт идентичности выводов показателен. Были и есть другие (и их немало) духовные лидеры и искатели, пришедшие к пониманию единства религиозных основ. Можно даже сказать, что поиск таких общих основ — одна из главных тенденций духовной жизни XX века, не исчерпала себя она и в XXI веке.

Некоторые религиоведы проводят научные исследования, стараясь выявить общее в генезисе религий и их функциональной роли, смотря на них сквозь призму трансперсонального опыта. В этом ракурсе интересны работы русского ученого профессора Е.А. Торчинова. Он, пожалуй, впервые поставил вопрос о религиозности в плоскости глубоких психологических переживаний, при этом уходя от обыденного понятия «веры» (религиозность не всегда напрямую связана с верой в сверхъестественное и вообще какой бы то ни было верой, Евгений Александрович убедительно показал это на примере отдельных восточных религиозных традиций). Религию он определяет как «комплекс представлений, верований, доктрин, элементов культа, ритуала и иных форм практики, базирующийся на трансперсональном переживании того или иного типа и предполагающий установку на воспроизведение этого базового переживания»⁴. Такой подход к проблеме религиозности пригодится и нам при объяснении феномена Даниила Андреева.

Современная наука не в силах объяснить многое. Не в силах она объяснить и те процессы, которые происходят в человеке и с человеком, когда ему открываются иные пласты реальности. Можно со-

² Бирюков П.Н. Биография Л.Н. Толстого в 4-х тт., 1905–1922. (http://www.azlib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0890.shtml).

³ Андреев Д.Л. Роза Мира. СПб.: Азбука, 2013. С. 91.

⁴ Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. (<http://psylib.org.ua/books/torch01/txt03.htm#1>).

слаться на безумие, но ни Андреев, ни другие провидцы не были наказаны судьбой лишением разума. Человека, который в самые трудные и самые возвышенные моменты своей жизни оказывается способным к саморефлексии и самоиронии, нельзя назвать идиотом. В душе человека при определенных обстоятельствах (в каждом случае разных) пробуждается нечто, что выводит его сознание из мира зримого и чувственного в мир, также зримый и чувственный, но зримый и чувственный иначе, через иные — духовные — органы. Как это происходит? У науки нет ответа. Важно, что при восприятии иноматериального, для того, кто воспринимает, реальность виденного и чувственного не вызывает сомнения.

*«Язвящее, простое горе я
Изведаю в тот день далекий,
Когда прочтут вот эти строки
Глаза потомков, и — не весть,
Но мертвенную аллегорю
Усмотрят в образе гиганта.
Он есть! Он тверже адаманта,
Реальней нас! Он был! он есть!»⁵.*

Образ гиганта, о котором идет речь в этом отрывке из поэмы «Ленинградский апокалипсис», — русский демон великодержавной государственности. Подобно древним людям, живших мифологическим сознанием, для которых боги были частью природы, неотъемлемой частью космоса, деятельность которых находила отражение практически во всех бесчисленных гранях существования: в быту, делах, спорте, войнах, семейных отношениях, — подобно им для поэта, увидевшего тонким зрением потустороннее существо, последнее — не плод фантазии, не игра ума, но то, что «реальней нас». Отречься от увиденного означало бы отречься от самого себя. Такая мутация чувства «реального» не есть «ненормальное», исключительное, не поддающееся интерпретации в пространстве культуры. Существуют традиции, которые ставят своей целью воспроизводство опыта схожего типа.

К примеру, в традиции адвайты-веданты все миры и наш привычный мир в том числе — иллюзия, пузыри на воде, а подлинная реальность недоступна для взора, и открывается она сознанию лишь в особом состоянии духа, как итог его эволюции. Так и для православного аскета, лицезревшего Фаворский свет,

нет сомнения в присутствии Бога здесь, рядом. Тогда Бог перестает быть идеей, в которую нужно верить, но становится самой жизнью, экзистенцией, опытно познанной. Познанной не до конца, но лишь в приближении, ведь божественное не имеет границ.

Опыт Андреева — это его опыт. Он не может быть проверен большинством из нас. Но ведь свидетельство Колумба, побывавшего в Америке, тоже свидетельство. И большинство его современников не могли проверить достоверность привезенных им сведений о новом материке, да и сам он полагал, что достиг берегов Индии. Единственно, что мы можем зафиксировать безусловно — это неоспоримую связь того опыта, который был доступен Андрееву, с религиозностью как особым качеством души. Именно для религиозных людей (сфера религиозных чувств, не забудем, очень широка) характерны те переживания, которые он описывает. Они бывают различной интенсивности, некоторые из них повторяются, другие остаются чем-то вроде единовременных озарений.

Вот как описывает Даниил Андреев свой опыт «прорыва космического сознания»: «В блаженстве, едва переносимом для человеческого сердца, я чувствовал так, будто стройные сферы, медлительно вращаясь, плыли во всемирном хороводе, но сквозь меня; и всё, что я мог помыслить или вообразить, охватывалось ликующим единством. Эти древние леса и прозрачные реки, люди, спящие у костров, и другие люди — народы близких и дальних стран, утренние города и шумные улицы, храмы со священными изображениями, моря, неустанно покачивающиеся, и степи с колышущейся травой — действительно всё было во мне тою ночью, и я был во всём. Я лежал с закрытыми глазами. И прекрасные, совсем не такие, какие мы видим всегда, белые звёзды, большие и цветущие, тоже плыли со всей мировой рекой, как белые водяные лилии. Хотя солнца не виделось, было так, словно и оно тоже текло где-то вблизи от моего кругозора. Но не его сиянием, а светом иным, никогда мною не виданным, пронизано было всё это, — всё, плившее сквозь меня и в то же время баюкавшее меня, как дитя в колыбели, со всеутоляющей любовью»⁶. «Прорыв космического сознания» — термин американского психолога Уильяма Джеймса, но любая терминология в данном случае условна.

Религиозный опыт всегда субъективен, даже когда он позволяет вступить на поле объективного, то есть подтверждаемого фактами. Религиозный

⁵ Андреев Д.Л. Русские боги. Глава 6. Ленинградский апокалипсис.112. (<http://mirosvet.narod.ru/da/rb/rb06.htm>).

⁶ Андреев Д.Л. Роза Мира. СПб.: Азбука, 2013. С. 131–132.

опыт всегда индивидуален, даже когда он дает понимание универсального. Религиозный опыт, выводя за пределы эмпирического, позволяет осознать (в какой степени зависит от многого, но, прежде всего, от самого подвижника или практика) другую реальность, которая, несмотря на ее недостижимость, присутствует подспудно в видимом мире и оказывает на него огромное, порой определяющее, влияние.

Как относиться к описанию иноматериальных пространств, данному Андреевым? Принимать ли их за чистую монету или считать бредом или результатом чрезмерно активного воображения? На наш взгляд, относиться к ним следует с вниманием, понимая природу происхождения этих свидетельств. А природа их коренится в религиозном строе души, и лишь испытав лично религиозное озарение, прикоснувшись к инобытию, которое отвергается только в мистическом опыте, мы имеем право пытаться так или иначе толковать данное описание. В другом случае мы дерзаем говорить о том, что полностью сокрыто и безмерно далеко от нас. Но что можно сказать о неизведанном? Можно строить предположения, но число таковых будет приближаться к дурной бесконечности. Остается молчание.

Андреева нельзя назвать ортодоксальным христианином. Его представления о Троице, миссии и природе Христа своеобразны. Спор о природе Христа — давний спор. В этом вопросе состоит и главное препятствие для того, чтобы наладить взаимопонимание между христианами и нехристианами. А такая цель стоит перед нами, если мы придерживаемся тезиса о единстве религий в их существовании. Действительно, для христианина Христос — второе лицо Троицы, Логос, Сын Бога, пришедший в мир, чтобы искупить грехи человечества. Не секрет, что многие представители других религий признают за Иисусом Христом боговдохновенную миссию, называя его пророком (таковым его признавал Мухаммед) или учителем (основатель международного общества сознания Кришны Бхактиведанта Свами Прабхупада считал его великим гуру). Но положение о том, что Иисус Христос есть единственный Сын Бога, пришедший в мир единожды, что никто не может быть подобен ему по природе, оскорбительно для приверженцев иных конфессий и никогда не будет принято ими как истинное. Однако если видеть в Христе две природы, божественную и человеческую, последняя — несовершенная, но преобразуемая первой, божественная же есть предвечный Логос, универсальное космическое начало, которое присутствует везде в мире и в каждом

из людей, если смотреть на природу Христа таким образом, противоречия могут быть сняты. «Мы именуем Христа *Словом*. Но ведь говорящий не воплощает, а именно *выражает* себя в слове; Бог не воплощается, а выражает Себя в Христе. Именно в этом смысле Христос есть воистину Слово Божие»⁷. По сути, Андреев выступает против обожествления личности Иисуса Христа, Бог не личность, но нечто превышающее личное, хотя в личном находящее свое выражение.

Действительно, при таком понимании диалог становится мыслимым, но для приближения к нему должна произойти своего рода духовная революция. Ведь исповедующие ту или иную веру склоны отождествлять Бога и бога, то есть Бога единого, превышающего все человеческие представления о нем, и бога или учителя (пророка) в лице которого то самое Высшее обнаружило себя. Люди словно хотят опустить *истину* до своего уровня, сделать Его зримым и осязаемым или, по крайней мере, имеющим устойчивый образ. Но те образы и формы, через которые касавшиеся запредельного передавали знание о том, что не познаваемо в пределе, обусловлены временем, исторической эпохой, культурой, царящей в ней, языком, нравами и обычаями народов, которым предназначалось послание. А вот освободиться от обусловленности традициями и культурными нормами, принимаемыми машинально без уразумения динамики их становления, — по силам, как правило, лишь единицам, но только такое освобождение позволит взглянуть на проблему религиозности сверху, с высоты птичьего полета, осознать взаимосвязь и общность путей религиозной жизни.

Но главная идея, которую Даниил Андреев стремится привнести в христианское учение (вслед за такими русскими философами как В. Соловьев, С. Булгаков, П. Флоренский, Л. Карсавин и др.) — это идея Вечной Женственности. Идея Женственности как одной из ипостасей Бога. Здесь прослеживается некоторая параллель с китайским учением про инь-ян, двух противоположных началах, взаимодействие которых определяет все происходящее в мире, во вселенной, единство которых нерушимо. Так и в христианском богословии Андреев хочет отыскать намек на наличие в Боге двух полюсов, один из которых в нашем, лишённом чистоты трансцендентного Бога, мире выражается как женственное. В образе грозного Бога, древнееврейского Яхве, склонного к гневу и жестокости, чувствуется

⁷ Там же. С. 82.

некоторая ущербность, ограниченность. Его характер следует умягчить, добавить черт милосердия. Необходимость привнесения идеи женственности также состоит и в желании раскрыть смысл развития, показать, как происходит эволюция, движение вперед, к прекрасному. Так, объясняя суть исторического процесса в России, Андреев описывает его как влечение друг к другу великих духов, не постигаемых в своем величии умом человека, — народо-водителя и демиурга Яросвета и Собороной Души российской метакультуры Навны. Освобождение Навны и Ее союз с Яросветом будет означать наступление новой эпохи, в нашей земной реальности проявленной как рождение интеррелигии — Розы Мира. Понятия мужского и женского начал в качестве движущихся сил используются и для объяснения всей истории человечества. Мужским началом, Планетарным Логосом, на котором лежит главная ответственность за эволюции, выступает тот дух, который воплотился в Иисусе Христе, а его невеста, женское начало, Звентана-Свентана, только еще на подступах к нам, принимает воплощение в более тонких слоях. Их союз и единство приведет к наступлению «золотого века», обещанного тысячелетнего царства Божьего на земле.

Как мы видим, объяснение динамичности жизни, ее текучести, крайне затруднительно без умения увидеть ее полярность, не только в смысле борющихся, противостоящих друг другу сил (тут вспоминается хорошо известный из марксистской философской традиции закон единства и борьбы противоположностей), но и в смысле тяготеющих друг к друг начал, дополняющих и обогащающих одно другое. Даниил Андреев совершенно справедливо указывает на односторонность развития современной цивилизации, в которой получило привилегированное положение мужское: агрессивность, упорство, напористость, воинственность, бесстрашие, дерзость. Следствием такого перекоса стали те бесконечные войны, поражающая жестокость и непримиримость в борьбе за «место под солнцем», которыми так богата история всех народов мира. И европейская история в этом на первом месте. Хотя, казалось бы, уже несколько веков Европа считается самой цивилизованной частью света. Словно забыты и утеряны такие качества как: «мягкость, любовная нежность, самоотдача, терпеливая настойчивость, бережность, чуткость, сердечность, внимательность»⁸. Это и есть то женственное, что должно вернуться и влиться во все сферы обще-

ственной и личной жизни, что позволит уравновесить душу человека и открыть для него горизонты новой эпохи. Женственное не значит присущее лишь женщинам, но женственное и мужское в каждом из нас, те инь и ян, о которых толковали даосы и гармонизацию которых ставили одной из ведущих целей своей практики. Кому-то может показаться, что привнесение идеи Вечной Женственности не оправдано с точки зрения православного богословия и его традиций, но оно полностью оправдано с точки зрения наличествующего отрицания или просто непонимания значения светлой женственности, вносящей радость и оберегающей от падения.

С идеей Вечной Женственности связано и отношение Даниила Андреева к культуре. Идея Вечной Женственности имеет тесную связь с идеей всеединства, занимающей одно из центральных мест в русской религиозной философии. Без нее — Мировой Души — восстановление всеединства и преобразование тварного мира невозможно, Она — ключ к решению проблемы сопряжения трансцендентного и имманентного, посредник между Божеством, недоступным в своем изначальном единстве, и человеком, жаждущим единства, но ограниченным законами времени и пространства. Культуру Андреев понимает как путь такого преобразования мира, возвращающего его к единству, но не нарушающего при этом индивидуальности его составных частей. «Культура есть ничто иное, как общий объем творчества человечества»⁹. Творчество — вот то, что забыто древними религиями, и в силу забывания которого они сами дискредитировали себя и лишились жизненных токов. Творчество — прерогатива и призвание человека — явление, без сомнения, духовного порядка. «Если же творчество — высшая, драгоценнейшая и священнейшая способность человека, проявление им божественной прерогативы его духа, то нет на земле и не может быть ничего драгоценнее и священнее культуры, и тем драгоценнее, чем духовнее данный культурный слой, данная культурная область, данное творение»¹⁰.

Интересно, что желание преодолеть противоречие между творческим началом в человеке и религией мы наблюдаем и у другого видного русского философа Николая Бердяева. Он пишет: «Творчество — экстаз религиозный, путь творческого потрясения всего существа человека — путь

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ Там же.

⁸ Там же. С. 382.

религиозный. Это новое, небывалое еще религиозное сознание, сознание творческой эпохи»¹¹. И в другом месте: «Сам опыт богообщения переходит в мир как акт творчества»¹². Творчество поднимает человека до религиозности, но не всякое творчество, а то которое несет в себе оттиск духа. И религиозность в своем истинном выражении есть творчество, «изменяя себя, мы изменяем мир». И Бердяев, и Андреев унаследовали от творцов Серебряного века тоску по новой эпохе, называемой иногда эпохой Святого Духа, и оба они искали дорогу в нее. И оба они понимали, что без решения религиозного вопроса путь туда закрыт.

Но решен должен быть не только религиозный вопрос, но и вопрос о культуре, и о том, каким образом религия и культура смогут идти рука об руку. И Андреев находит ответы на эти вопросы. Теме культуры он уделяет большое внимание. После религии именно культура для него — основная движущая сила, возвышающая и облагораживающая душу человека и способствующая претворению мечты о единстве человечества в реальность. Он вводит понятие «метакультуры», с помощью которого характеризует ход исторического процесса в ракурсе его неоднородности для разных народов и наций. Понятие «метакультуры» перекликается с идеей локальных цивилизаций Н. Данилевского и О. Шпенглера. А та особую роль, которую Андреев отводит «трансмифам» пяти религий (зороастризма, иудаизма, индуизма, буддизма, христианства), когда они оказываются надстоящими над культурой во всех остальных своих проявлениях, сближает его с теми представителями цивилизационного подхода, которые выбирают основным признаком, позволяющим провести демаркационную линию между цивилизациями, общность религии. Мыслителей придерживающихся схожих взглядов немало. Среди широкой аудитории наиболее известна вызвавшая немало споров работа американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». В ней автор применяет цивилизационный подход для анализа политической ситуации, сложившейся на планете к концу XX столетия. Даниил Андреев находится в русле определенной сформировавшейся философской традиции.

Но нельзя сказать, что Андреев ограничен этой традицией или вообще зависим от нее. Метакультура для него выходит далеко за пределы видимой реальности. Поэт понимает культуру не только, как

творимое здесь, в «посюстороннем», но и как творимое там, в «потустороннем», творчество во всех сегментах метакультуры взаимосвязано, взаимопроникновенно. И тот, кто был творцом «здесь», останется творцом и «там», после смерти. И его помощь и дела в ином измерении не проходят бесследно для нас. Но творчество бывает и демонического характера, тогда оно ведет к разрушению и деградации. И опять же, пагубная деятельность не только людей, но и существ из иных миров влечет за собой последствия, которые отражаются в пространстве нашего мира. То есть Андреев создает не только географию культур в горизонтальной плоскости, что делали лучше или хуже и до него, но и показывает вертикальный срез культуры, расширяя само понятие культуры до космического масштаба. Космос живет творчеством во всех мыслимых и немыслимых сферах, составляющих в многообразии, пока еще не познанном, единство, интуитивно предугадываемое мистическим чувством.

Особое значение имеет предложенная Даниилом Андреевым концепция *вестничества*. Благодаря ей он обнажает суть искусства, разделяя все многообразие художественной жизни по духовному признаку, качеству творцов. Талант и гениальность рассматриваются как разные степени сущностно одного и того же — одаренности человека: «талант и даже гениальность — это такие общечеловеческие способности, которые в данной личности достигли высшей степени развития, чем в других, благодаря особенностям её психофизической структуры»¹³. И предлагается иной критерий — боговдохновенность творца, сопричастность его через творчество к высшим сферам бытия, светлым иерархиям, посылающим через художника *весть*. «Вестник — это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, даёт людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющиеся из миров иных»¹⁴. Можно спорить о месте и роли в истории культуры тех или иных художников, описанию чего Даниил Андреев посвящает целую главу своей книги, но важно понять смысл предложенной им концепции. Через нее писатель осуществляет синтез религиозности и искусства, возвышая предназначение художника до идеала служения Богу, накладывающего обязательства (*священная жертва*, к которой, согласно Пушкину, Аполлон требует поэта), но одновременно с тем благословен-

¹¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2010. С. 200.

¹² Там же. С. 207.

¹³ Андреев Д.Л. Роза Мира. СПб.: Азбука, 2013. С. 539.

¹⁴ Там же. С. 534.

ного и благодатного. *Вестник* — религиозен, так как он имеет связь с *даймоном*, представителем потусторонних сил, даже если при этом сам не вполне осознает такую связь. При этом религиозность художника необязательно должна быть вписана в прокрустово ложе какой-то конкретной религиозной традиции, совсем наоборот, его свобода — залог выполнения им своей миссии, донесения вести в незапятнанном виде. При таком взгляде выдающиеся представители мирового искусства оказываются собраны под один купол универсальной религии.

Еще одним мероприятием, позволяющим преодолеть разрыв между культурой и религией, должно стать приведение науки и техники под этический контроль. Проблема опять же сверхактуальная. Тот уровень развития техники, который был достигнут в XX веке, создал угрозу уничтожения всей планеты. Ныне же, в XXI веке, это угроза не только не уменьшилась, но возросла в разы. О проблемах экологии говорится много, но в основном, опять же, говорится. Техника довлеет над человеком, изменяя его самого, технократизируя его сознание, убивая в нем дух свободы. И если среди ученых, среди тех, кто обеспечивает дальнейший научно-технический прогресс уровень нравственного сознания, как правило, относительно высок, хотя и не безупречен, то среди тех, кто пользуется результатами научных изысканий, кто имеет власть использовать их на широком поприще государственной и хозяйственной жизни, таков уровень оставляет желать лучшего. Страх перед ядерной войной, последствия которой стали бы чудовищными настолько, что трудно себе представить, — единственное, что до сих пор удерживает многих политиков от развязывания третьей мировой войны. Но это лишь один аспект — необходимость выживания. Другой сложнее — необходимость освобождения духа через сознательные отношения к технике. «Техника всегда есть средство, орудие, а не цель. Не может быть технических целей жизни, могут быть лишь технические средства, цели же жизни всегда лежат в другой области, в области духа. Средства жизни очень часто подменяют цели жизни, они могут так много занимать места в человеческой жизни, что цели жизни окончательно и даже совсем исчезают из сознания человека. И в нашу техническую эпоху это происходит в грандиозных размерах»¹⁵.

Наука должна остаться наукой, выполняя те функции, которые она выполняет и которые, естественно, не сводятся лишь к совершенствованию техники. Но чувство ответственности за свой труд, за его последствия, за будущее человечество (а всякое большое научное открытие сейчас имеет воздействие на весь мир, наука не знает границ) — это чувство есть то же чувство сопричастности к общему, которое стоит у истоков всякой религиозности. В этом смысле этизация науки продиктована желанием перекинуть мост понимания между религией и наукой, преодолеть те пустоты отчуждения, которые до сих пор имеют место.

Но измениться для этого должны и религии, делавшие до сих пор упор на исполнение моральных предписаний и уход от разнообразных соблазнов, подстерегающих на духовном пути. Что породило чрезмерную аскетичность, отвращение от мира. Наука ориентирована на объективное, она есть путь духа в мир, в тварное, подчинение через познание и перераспределение материальных сил природы разуму и воли человека. Религия в первую очередь ориентирует на то, что стоит за пределами тварного, что не принадлежит миру. Но если религия возводит отказ от «мирского» в абсолют и отрешенность ставит в пример, тогда ей сложно будет найти общий язык с наукой. Духовное преображение возможно также и при вовлеченности в общественное и природное, через служение и любовь к нему. Об этом, впрочем, говорится в религиозных учениях, но вследствие ряда исторических причин этот путь казался менее надежным. Андреев именует аскезу Узким Путем, а вторую тенденцию Широким Путем. Широкий Путь станет действительным путем духовного преображения лишь тогда, когда религиозность будет совмещена с творчеством, с культурой, потому что этот путь подразумевает преобразование себя через созидание, привнесение нового вовне.

Таким образом, если мы попытаемся подвести промежуточный итог и определить суть концепции Даниила Андреева, то следовало бы назвать основополагающей идею *очищенной религиозности, исполняющейся духом которой человек преобразуется изнутри и преобразует окружающую мир, творя, а значит, привнося культуру*. В этой идее преломляется, как минимум, три чаяния: стремление к высшей истине, данной в универсальной религии, стремление к синтезу культуры и религиозности, стремление к изменению человека и общественного порядка соответственно высшей истине путем реализации проекта универсальной религии. Идея эта предполагает не

¹⁵ Бердяев Н.А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Путь. 1933. (http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1933_384.html).

отстраненность от вызовов нового времени, но действенный ответ на них, практическую включенность в дело возведения храма светлой эпохи и мужественное противостояние надвигающейся катастрофе.

Роза Мира

Противостояние двум основным угрозам: новой мировой войне и всечеловеческой тирании, — ставит перед собой главной целью автор «Розы Мира». «Никакие усилия разума, никакое воображение или интуиция не способны нарисовать опасностей грядущего, которые не были бы связаны, так или иначе, с одной из двух основных: с опасностью физического уничтожения человечества вследствие войны и опасностью его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании»¹⁶. Ясно понимания неизбежность глобальных процессов, ведущих человечество к интеграции, Андреев предлагает сценарий объединения, который, на его взгляд, позволит избежать двух указанных выше опасностей.

Роза Мира — это проект универсальной религии, способной выступать в роли платформы для союза религий традиционных, и, вместе с тем, это международная организация, ставящая перед собой цели политического и экономического преобразования общества. Список задач следующий: «Объединение земного шара в Федерацию государств с этической контролирующей инстанцией над нею, распространение материального достатка и высокого культурного уровня на население всех стран, воспитание поколений облагороженного образа, воссоединение христианских церквей и свободная уния со всеми религиями светлой направленности, превращение планеты — в сад, а государств — в братство»¹⁷. Причем это лишь первоочередные задачи.

Важно отметить, что тот идеал общественного устройства, который рисует поэт, во многом совпадает с утопией коммунизма. Всеобщий материальный достаток, обеспеченность каждого человека необходимыми потребительскими и социальными благами, равенство в доступе к этим благам, плановый характер экономики, ее подконтрольность государству, постепенная ликвидация элемента насилия в государстве, — все эти составные «грядущего» мы находим равно как у Андреева, так и у

классиков марксизма. Вспомним известный тезис об «отмирании государства», восходящий к работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»: «Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию»¹⁸. Сравним со сказанным в «Розе Мира»: «Дальняя цель <...> — ослабление цементирующего насилия в жизни народов и преобразование государства из полицейского по преимуществу аппарата, отстаивающего национальное или классовое господство, в аппарат всеобщего экономического равновесия и охраны прав личности»¹⁹; «...пока самая сущность государства не будет преобразована, а живое братство всех не сменит бездушного аппарата государственного насилия»²⁰. Также совпадают и представления о всемирном, всечеловечном характере чаемого порядка: «Тезис интернационализма — это грандиозная сила, и в основе её лежит абсолютная правда»²¹.

Но вот путь достижения поставленных целей видится Даниилу Андрееву совершенно иным. Для него это путь «одухотворения человека, одухотворения человечества, одухотворения природы». Именно в победе духа он видит залог успеха. Пренебрежение материальной стороной существования — другая крайность, которой грешили старые религии и которую следует избегать. «Времена изменились, материальные средства появились, и заслуга всего исторического процесса, а не самой Розы Мира в том, что она сможет теперь смотреть на социальные преобразования не как на внешнее, обречённое на неудачу и не заслуживающее усилий, но ставить их в неразрывную связь с совершенствованием внутреннего мира человека: теперь это два параллельных процесса, которые должны друг друга восполнять»²². В сочетании преобразовательной деятельности этико-религиозного плана и политико-экономической направленности — суть новизны Розы Мира как

¹⁶ Андреев Д.Л. Роза Мира. СПб.: Азбука, 2013. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ Энгельс Ф. Анти-Дюринг (1878). (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001015/st000.shtml>).

¹⁹ Андреев Д.Л. Роза Мира. СПб.: Азбука, 2013. С. 21.

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ Там же. С. 746.

²² Там же. С. 37.

общественного движения. До возникновения науки коренное изменение производственных отношений и хозяйственного уклада было невозможным. После ее возникновения и широкого распространения тех благ, которые она сумела дать миру, научное мировоззрение стало преобладающим, вытеснив традиционно-религиозное. Но проблемы социального порядка не могут найти своего разрешения исключительно в научно-рациональном ключе, так же как и не может найти своего разрешения в этом ключе проблема человека, названная еще Кантом основным вопросом философии.

Религия не является надстройкой, чем-то второстепенным для общества, наоборот, она задает смысл и объясняет предназначение, делая жизнь насыщенной. Выбор ценностей не происходит через разум. Приоритет принадлежит иррациональному в нашей душе. Выбирают сердцем. Религия апеллирует к иррациональному, не подвластному для ума, сокрытому в тайне. Мистический дух в той или иной степени присущ каждой религии. И религиозная этика во многом выводится из этого духа. Этика в отрыве от религиозности теряет свою живительную силу, не переставая, конечно, при этом быть этикой, но теряя притягательность и непринужденность, становясь чем-то выхолощенным, лишенным своего подлинного основания.

Изменение сущности государства не произойдет ранее приведения деятельности государств под этический контроль. «Над деятельностью государств насущно необходим этический контроль»²³. Но если этичность зависима от религиозности, то, следовательно, выправлению нравов должно предшествовать религиозное возрождение. В этом заключается главная функция Розы Мира. Пробуждение духа и распространение духовных истин среди наибольшего числа людей, среди всех народов и наций — вот задача наипервейшей важности. И только таким путем, по мнению Даниила Андреева, удастся действительно изменить мир к лучшему и не допустить глобальной катастрофы. Для Андреева, как и для любого религиозного человека, существует только одна истина, хотя преломлений ее лучей может быть и есть огромное множество. Но истина одна, а значит по мере приближения к истине все большего количества людей степень единения человечества будет возрастать. Путь к единству и социальной гармонии лежит через духовное обновление и преображение, но без отрыва

от экономической и политической деятельности: через приведение ее принципов в соответствие с принципами духовной жизни.

Не очередная ли это утопия? Пусть так. Разве всякая утопия плоха? Утопия конструирует образ будущего, тем задавая ориентир для движения, историческую перспективу. Без образа будущего нет понимания настоящего, ведь настоящее создается тогда, когда есть цель, ради которой совершается действие. Без будущего мы обрекаем себя на подвешенное состояние, длящееся непрерывно. Краткосрочные задачи, выполнение которых питает иллюзию продвижения вперед, на проверку оказываются зачастую бегом по кругу, обыкновенной суетой, ведущей в конечном счете в тупик. Человек — существо, способное найти идеал, жить идеалом и поднять себя до идеала. Не повлечет ли за собой утрата идеального утрату человеческого? Утопия — не проект, но она имеет свою ценность, и почти в каждом обществе, каждой эпохе мы находим свои утопии. Под их знаменем герои шли на подвиги, во их имя приносились невиданные жертвы, их красотой прикрывались чудовищные злодеяния. Но такова жизнь, она вся сплетена из противоречивого, антиномичного. Быть может, потому и прочна ее ткань. Жизнь течет, пока есть куда течь. Утопия длит историю. Гибель утопий есть и гибель истории.

Вера в науку, в ее познавательную и созидательную силу вдохновляла лучшие умы последних веков. Научно-технический прогресс привнес столько, что науку по праву можно назвать чудотворной. Изменения затронули все стороны жизни: от быта до космоса, от условий труда до разновидностей отдыха, от интернета до разветвленных транспортных сетей, соединяющих самые отдаленные точки планеты. И эти изменения не могли не отразиться на самом человеке, на его мышлении, на его этосе. Человек стал по-иному воспринимать время, пространство, окружающий мир, природу, самого себя, стал по-иному выстраивать отношения с другими людьми. Но стал ли он счастлив? Наука как решающая все проблемы и находящая ответы на все вопросы сила — это утопия Нового времени. Социальные утопии этой эпохи носили научный или псевдонаучный характер, подгонялись под канон науки. Но идея переустройства общества с опорой на сугубо научное представление о нем показала свою несостоятельность. Никаких универсальных законов социального развития, сопоставимых по своей неотвратимости с законами

²³ Там же. С. 23.

физического мира найдено не было. Наука способна дать многое, но указать путь к счастью и всеобщей гармонии — не в ее компетенции. Революции и социальные катаклизмы XX века убедительно это показали. Утопия Нового времени исчерпала себя, и это повлекло за собой кризис культуры и кризис философии. «Проблема, перед которой стоит философия, — та же самая, перед которой стоит современное общество, — поясняет академик А.А. Гусейнов. — У них нет идеальной перспективы. Нет некоего всеохватывающего, философски осмысленного и аргументированного идеала в качестве перспективы, вдохновляющей практические усилия по совершенствованию форм жизни. Старая утопия, делавшая ставку на счастливое преобразование мира через посредство науки и техники, потерпела крах. Новая утопия не выработана. Складывается впечатление, что общество собирается привыкать к укороченности и несовершенству земного существования, а философия — обходиться без метафизики и прорыва к трансценденции. <...> Можно предположить, что именно в этом, в отказе от утопий, в утрате морально-возвышающего пафоса заключается кризис современной философии»²⁴.

В этом контексте рассматривая утопию Андреева, назовем ли мы ее пустой и ненужной? Вероятно, тут более подходит слово «мечта». Мечта — то, что устремляет в будущее, дает надежду, позволяет встречать новый день с радостью. Вряд ли идея «Всемирной федерации государств» найдет свое воплощение в ближайшие десятилетия и, наверное, даже столетие. Еще более длительным и трудоемким представляется процесс создания организации, способной выполнять роль инстанции, «осуществляющей контроль над деятельностью государств и руководящая их бескровным и безболезненным преобразованием изнутри»²⁵. Но ведь мечту о полете в космос тоже когда-то называли фантазерством и утопией. Благодаря таким мечтателям как К.Э. Циолковский и С.П. Королёв утопия стала реальностью. Но прежде родилась мечта.

Никаких общественных сил, готовых взяться за воплощение в жизнь утопии Розы Мира, нет. В России уж точно. Русская Православная Церковь до сих пор не имеет официальной позиции касательно трудов Даниила Андреева. Каждый священнослужитель имеет право отстаивать свою точку зрения

относительно изложенного в «Розе Мира». В целом преобладают негативные отклики, с последующим причислением Андреева к еретикам или оккультистам. Учитывая консервативный характер православия и вольнодумство писателя в отношении «святынь» православного учения — догмате о Троице и догмате об искуплении — здесь нет ничего удивительного. Впрочем, встречаются и отзывы апологетические по своей направленности. Среди «защитников» протоиерей Валентин Дронов: «...«Роза Мира» — это Дар Божий, благодаря которому поэт вышел из ада невредимым. Основной стержень романа — Логос Вселенной, Христос. Общая направленность Даниила Андреева — ко Христу. Через «Розу Мира» при всей ее неожиданности и необычности угадывается подлинная духовность всего его творчества. Эта духовность в прямом смысле слова и выделяет Даниила Андреева из всей национальной поэзии. Его творчество — не пронзительное видение, и не мучительные поиски истины. Это — духовность данности бытия во Христе, это духовность спасения и вечной жизни в Царстве Божием. Утверждая это своим творчеством, Даниил Андреев входит в ряд немногих поэтов всех времен и пространств, послуживших человечеству пророческим служением»²⁶.

Исключения лишь подтверждают правило. Несмотря на отдельных священнослужителей, различающих духовное новаторство от псевдодуховного, все же следует признать, что сама идея интеррелигии для большинства воцерковленных православных людей на данный момент остается неприемлемой, слишком опасным и непредсказуемым им кажется выход в просторы общечеловеческого. Такой выход предполагает готовность преодолеть свою «местечковость», умение найти в исповедуемом учении как достоинства, так и недостатки в сравнении с другими учениями. Но для многих верующих сам факт «сравнимости» или признание неполноты учения тождественны предательству веры. Русская Православная Церковь — не та инстанция, от которой следует ожидать потворства и, тем более, помощи тем, кому оказалась близка, говоря современным языком, альтернативная модель глобализации.

Но где найти точку опоры, оттолкнувшись от которой можно начать новое движение, не похожее ни на что из бывшего ранее? Где найти силы, доста-

²⁴ Гусейнов А.А. Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 16.

²⁵ Андреев Д.Л. Роза Мира. СПб.: Азбука, 2013. С. 27.

²⁶ Дронов В. Даниил Андреев и православная традиция. «О пламенном хоре, которого нет на земле...» // Даниил Андреев в культуре XX века. М.: Мир Урании, 2000. С. 155.

точные чтобы сдвинуть пласты эпохи? Где найти огонь, пламя которого, разнесенное от народу к народу, даст свет и откроет дверь в дом единства? Где? В человеке.

В человеке, в каждом из нас скрыт тот потенциал, неисчерпаемый и еще не осознанный, раскрыв который мы преобразуемся и преобразуем окружающий мир. Упование на человека. И проблема человека — ключевая проблема современности. Каково будет следующее поколение? От этого зависит все, от этого зависит, случится ли третья мировая, последствия которой трудно себе вообразить, или установится прочный и долгосрочный мир между различными странами и народами. От этого зависит то, какое лицо приобретет культура, станет ли она рассадником пошлости и скудоумия или случится новый подъем, несущий с собой неведомые прежде смыслы. Те тенденции, которые мы наблюдаем сегодня, склоняют к мысли, что будущее культуры «иль пусто, иль темно». Требуется радикальный слом, нужны новые мастера и авторы, противопоставляющее безличному эпигонству и самомнительной бездарности псевдотворцов подлинное искусство, вдохновляющее на доброе дело и возносящее к непокоренным вершинам духа. От такого, каким будет человек завтра, зависит и политический строй нашей страны. Русский человек до сих пор не знает, как быть гражданином. Не развито в нем чувство гражданской ответственности и чувство неотъемлемости собственных гражданских прав. Удастся ли воспитать это чувство, удастся ли пробудить гражданское сознание — от этого зависит качество государственной власти и состояние политической системы, которая на данный момент далека от совершенства. Что актуально для России — не менее актуально и для других стран. Какой проблемы не коснись, все возвращает нас к человеку. В нем — ключ. В его *облагороженности* — решение.

Мы не довольны тем, что наши дороги безобразны, а в подъездах бардак. А сами следим за порядком? Мы не довольны засильем коррупции, поразившей все эшелоны власти. Но много ли найдется таких, кто никогда не давал взятки? Мы обеспокоены повальным пьянством, но не чураемся порой приложиться к рюмке. Мы с негодованием взираем на молодежь, проводящую за экраном компьютера по 18 часов в сутки, а сами не приложим и грамма усилий, чтобы вести здоровый образ жизни. Мы осуждаем ложь, несущуюся с телеэкранов, но часто сами вольно или невольно обманываем своих близких. Мы с презрением смотрим на иждивенцев,

живущих за чужой счет, а сами мечтаем о даровом богатстве, свалившимся как мана с неба. Все начинается с человека. С того человека, которого мы видим в зеркале.

Подавляющее большинство мыслящих людей вновь и вновь обращается к проблеме нового человека и нового гуманизма. Хотя каждый ставит ее по-своему. «Я вижу единственную надежду для человечества, — говорил в одном из своих интервью выдающийся социолог и философ Александр Зиновьев, — в том, что появится новый человек. Я надеюсь на чудо рождения этого нового человека. Ведь все эти годы шла непримиримая борьба людей практичных, деловых, расчетливых, жестоких, эгоистичных против всего доброго и гуманного, что есть в нас с вами. Я очень хочу, чтобы новый человек выжил, это моя самая заветная мечта. Если он не выживет, человечество не выживет»²⁷. Александр Зиновьев ставит дилемму предельно жестко: либо появится новый человек, либо человечество не выживет. И это взгляд социолога, ясно понимающего происходящие в мире процессы и закономерности развития или, наоборот, упадка тех или иных общественных образований. Рождение нового человека — задача номер один.

Эту же проблему ставит и Андреев, посвящая отдельную главу вопросу воспитания *человека облагороженного образа*. Он старается всесторонне обрисовать «облагороженный образ».

«Чем же может характеризоваться умственный облик такого человека? Непрерывно растущей жадной знания, которая питается непрерывно растущей эрудицией; навыками самостоятельного мышления и интеллектуальной независимостью; свободным и счастливым чувством преклонения перед явлениями Глубокого и явлениями Великого.

Что характеризует его эстетический облик? Развитие неотъемлемой потребности художественных впечатлений; высокоразвитый вкус; знание и понимание искусств прошлого и их памятников; органическая потребность в художественном творчестве, хотя бы и малого диапазона; свободное и счастливое чувство восхищения перед явлениями Прекрасного.

Что характеризует его облик нравственный? Деятельная доброта к окружающим; способность горячего сострадания и сорадования; чувство единства общечеловеческого; чувство единства косми-

²⁷ Зиновьев А.А. Интервью // Российские вести. Еженедельник. 2006. 22–29 марта.

ческого; свободное и счастливое чувство благоговения перед явлениями Высокого.

Что же характеризует его облик религиозный? Живое переживание нашего материального слоя как одного из слоёв Шаданакара; внутренняя работа над раскрытием органов духовного восприятия; всеневное ощущение жизни как мистерии; знание религиозных форм прошлого и настоящего; умение со-веровать всем религиям, то есть понимать опыт и учение каждой из них как отражение одного из рядов духовной реальности; императивная потребность собственного участия в религиозной жизни и творчестве человечества; способность к чувству захватывающей радости от участия в них.

Чем же, наконец, может характеризоваться внешний, телесный облик такого человека? Мне кажется, его телосложение будет стройным, движения пластичными, походка лёгкой, мускулатура гармоничной, а лицо — открытым, высоко интеллигентным, исполненным приветливости и как бы светящимся изнутри»²⁸.

Но одно дело наметить желанный образ, а другое — понять путь обретения желаемого. Несмотря на непростые отношения с советским строем, поэт не отрицает достижений советской педагогики. Выделяя некоторые качества советского человека, которые нашли пусть не полное, но все же наглядное выражение, мыслитель поддерживает достигнутый успех. Правдивость, смелость, стойкость, идейность, жизнерадостность, чувство товарищества — эти качества, без сомнения, станут достоянием человека будущего. Обретут свою завершенность, преодолев ограниченность, накладываемую коммунистической идеологией. Трём свойствам природы, развитие которых особенно поощряла советская школа, Андреев уделяет пристальное внимание. Эти свойства: подчинение личного общему, дух интернационализма и устремление к будущему. За каждым из них писатель признает правду и пользу. Но расширяет их, вкладывая новый смысл в старые понятия. Подчинение личного общему для поэта — не подчинение интересов личности интересам класса, занявшего воинственную позу в отношении других социальных групп, но признание общего блага как блага всего человечества, стоящего несоизмеримо выше частных интересов. Самопожертвование и самоотречение есть отречение от самости и соразмерная жертва во имя всеобщего, то есть во имя единства и гармонии всех. Права и сво-

боды личности незыблемы и нерушимы, и примат общего над частным, по мнению писателя, никаким образом не должен ущемлять их. Отрицая идеологию национализма, полагающего первичной ценностью нацию, и разделяя пафос интернационализма, Андреев указывает на перегиб, от которого также следует уйти: нивелирование национальной неповторимости и национального своеобразия. Вклад различных наций в копилку исторического богатства далеко не одинаков, и принятие этого факта совершенно естественно и целесообразно. С трепетом мыслитель говорит о третьей черте: устремление к будущему. Восторгаясь и восхваляя ее, образ будущего он раздвигает, включая в него идеал коммунизма, предполагающий материальное изобилие и равенство всех в доступе к его плодам, но, помимо этого, добавляя следующие существенные признаки грядущих эпох: богосотворчество, просветление природы, разрушение преград между физическим миром и другими мирами, развитие высших форм богопознания, распространение духа любви и дружелюбия.

Размышляя о качествах нового человека, Даниил Андреев интерпретирует их по-своему и дополняет уже возвращаемые новыми. Среди основных нововведений следует отметить, пожалуй, два наиболее необычных для того времени. Это, во-первых, единение с природой. Человек мыслится писателем имеющим неразрывную связь с природным миром, из него принимающим энергию и долженствующим помогать ему. Зло не только в несоразмерной добычи ресурсов, использующихся для удовлетворения постоянно возрастающих потребностей урбанизированных сообществ, не только в том, что человек уродует облик планеты, разрушая сложившиеся экологическое равновесие, но и в том, что человек не чувствует и не понимает язык природы, ее тайную суть. Поняв же ее, он должен не только уберечь природу от собственного неумеренного аппетита, но и изменить к лучшему. Преобразование природы по силам человеку, утверждает Андреев. Но прежде ему следует прийти в гармонию с ней, научиться слышать ее, стать ее частью. Природа гораздо более сознательна, чем кажется на первый взгляд. И воспитание нового человека должно происходить на лоне природы, без отрыва от ее красоты и оздоравливающей силы.

Второе нововведение — привнесение религиозных знаний. Религиозное воспитание — стержень подхода Андреева к проблеме нового человека. Религиозность понимается им предельно широко.

²⁸ Андреев Д.Л. Роза Мира. СПб.: Азбука, 2013. С. 749–750.

Это не механистичное выполнение обрядов, отправление культа, или слепая вера в догматы, сухие формулы, или поклонение незримым существам, с прошением у них блага. Религиозность понимается как особое мироощущение, затрагивающее глубинные основы человеческого существа и влияющее на всю его жизнь, определяющее ее ход. Религиозное воспитание — это религиозно-этическое, религиозно-художественное и религиозно-научное (то есть получение максимально объективных знаний об истории религий и эволюции религиозных форм познания) воспитание вкупе. Перспектива, которую видит поэт и которая стоит как задача перед нами и всем миром, — *одухотворение* человека и человечества, а после — и природы. Новая школа — школа духа. Новая педагогика — педагогика духа.

Но откуда возьмутся новые педагоги? Достаточно талантливые, чтобы совместить в себе чуткость к воспитаннику и понимание смысла грядущего? Достаточно духовные, чтобы, как минимум, не мешать открытию духовных очей нового поколения, как максимум, создавать все условия для того, чтобы духовное развитие получилось не однобоким, а всесторонним, не замыкающим, а раскрепощающим? Ведь *человек облагороженного образа* — редкость ныне. Сможет ли он пробиться сквозь толщу невежества и равнодушия, окажутся ли *благородные* к тому же крепкими и сильными волей, получится ли у них достичь единства хотя бы в небольших группах, не формального единства, но действительного и действенного, удастся ли побороть этим группам процессы декультуризации и дегуманизации, стремительно набирающие обороты? Ответы на эти вопросы даст только жизнь. От того, какими они будут, зависит судьба нового человека, всех последующих поколений. А значит и судьба Розы Мира.

Надежда

Роза Мира — не концепция, не идеология, не миф, не партия и не секта. Розы Мира еще нет. Роза Мира — увещание и приглашение в будущее, лишенное уязвляющих душу и тело порождений людского эгоизма и глупости. Какой будет Роза Мира и будет ли она, определяется сейчас, и дело не в названии. Всякий, кто захочет превратить творческое наследие Даниила Андреева в некое подобие священного писания, нанесет ему непоправимый вред. Андреев — не святой, не основатель нового культа, он — вестник, приоткрывающий завесу времени, приносящий то знание, которое стало

доступно ему. Но познание беспредельно. Дорога к вечности — у каждого своя.

Трагедия современного человека в его бездуховности. Интеллектуальный уровень слишком высок, чтобы принять традиционную религию в ее полноте. Она вся — из Средних веков. Дух Средневековья — дух прошлого, и возврата к нему нет. Безрелигиозность чревата подменами, сбивающими морально-нравственные ориентиры и разрушающими психику. Безрелигиозность ведет к размытию устоев, державших народы в целокупном сосредоточии, дававших всем — от царя до смерда — представление о сакральном, хранимом как истая драгоценность, посягнуть на которую не мог и последний разбойник. Безрелигиозность запирает человека в пределах материального, данного как неизбежное условие, не позволяя прикоснуться к запредельному, не данному изначально, но постигаемому при взыскании. Старые религии слабы. Но религиозность, дремлющая и требующая выхода, ждет новой формы, более совершенной и отвечающей духу времени — не настоящего — грядущего. Той формы, которая позволит снять все накопившиеся противоречия между интеллектом, склонным к сомнению и притязающим на рациональное объяснение всего, что поддается объяснению, и сердцем, умеющим доверять и жаждущим безусловной любви.

Не поняв сущность устремления к синтезу религиозности, свободной от узости традиции, и творческого мышления; не поняв сущность совмещения личной независимости от лжи текущего века и ответственного отношения к веку наступающему; не поняв единство ума и чувства в порыве к правде небесной и справедливости земной, — мы не поймем феномен Даниила Андреева.

Кем был Даниил Андреев? Даниил Андреев — поэт, запечатлевший в слове музыку инопространственных сфер и кристаллизовавший свет высшего в образах и понятиях, доступных для каждого. Даниил Андреев — мыслитель, оставивший логически непротиворечивую систему, описывающую мир во всей его многомерности и объясняющую историю с точки зрения взаимообусловленности процессов, происходящих в разных слоях одного космоса. Даниил Андреев — пророк, предвещающий эпоху единства и взаимопонимания и предостерегающий от катастрофы, грозящей гибелью всему человечеству. Даниил Андреев — человек облагороженного образа, человек будущего, приблизивший своим творчеством и всей жизнью долгожданное время духовного пробуждения и богопознания.

Как он сам признавался, в юности его был темный период, период погружения во тьму. После — в зрелости — поэт побывал на неопишуемых высотах. Окинув взором происходящее в нашей отчизне, скажет ли кто-нибудь, что светлая эпоха уже близка? Беспристрастно: мы во мраке. Очень многое ужасает и очень многое заставляет ожидать худшего из возможного. Но путь предрекан, и кто-то уже по нему идет. Тайна России в ее непредсказуемости и способности наперекор обстоятельствам из ниоткуда явить чудо, небывалое и неожиданное, но в глубине души чаемое каждым русским.

*«Есть в медлительной душе
русских
Жар, растапливающий
любой
лед:
Дно всех бездн
испытать
в спусках
И до звезд
совершать
взлет»²⁹.
Дно познали сполна. Надежда — на взлет.*

Список литературы:

1. Андреев Д.Л. Железная мистерия. (<http://mirosvet.narod.ru>).
2. Андреев Д.Л. Роза Мира. СПб.: Азбука, 2013.
3. Андреев Д.Л. Русские боги. (<http://mirosvet.narod.ru>).
4. Андреева А.А. Плавание к Небесному Кремлю. М.: Мир Урании, 1998.
5. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука, 2012.
6. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2010.
7. Бердяев Н.А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Путь. 1933. (http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1933_384.html).
8. Гусейнов А.А. Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. 2009. № 1.
9. Даниил Андреев: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. Г.Г. Садикова-Лансере. СПб.: РХГА, 2010.
10. Дронов В. Даниил Андреев и православная традиция. «О пламенном хоре, которого нет на земле...» // Даниил Андреев в культуре XX века. М.: Мир Урании, 2000.
11. Померанц Г.С. Подступы к «Розе Мира» Даниила Андреева // Искусство кино. 1990. № 5. С. 119–130. (Свобод. тема). Предисл. к публ. «Роза Мира».
12. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2005.
13. Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998.
14. Энгельс Ф. Анти-Дюринг (1878). (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001015/st000.shtml>).

References (transliteration):

1. Andreev D.L. Zheleznaya misteriya. (<http://mirosvet.narod.ru>).
2. Andreev D.L. Roza Mira. SPb.: Azbuka, 2013.
3. Andreev D.L. Russkie bogi. (<http://mirosvet.narod.ru>).
4. Andreeva A.A. Plavanie k Nebesnomu Kremlyu. M.: Mir Uranii, 1998.
5. Berdyayev N.A. Russkaya ideya. SPb.: Azbuka, 2012.
6. Berdyayev N.A. Smysl tvorchestva. M.: AST, 2010.
7. Berdyayev N.A. Chelovek i mashina. Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki // Put', 1933. (http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1933_384.html).
8. Guseinov A.A. Filosofiya kak utopiya dlya kul'tura // Voprosy filosofii. 2009. № 1.
9. Daniil Andreev: pro et contra / Sost., vstup. stat'ya, komment. G.G. Sadikova-Lansere. SPb.: RKhGA, 2010.
10. Dronov V. Daniil Andreev i pravoslavnaya traditsiya. «O plamennom khore, kotorogo net na zemle...» // Daniil Andreev v kul'ture XX veka. M.: Mir Uranii, 2000.
11. Pomerants G.S. Podstupy k «Roze Mira» Daniila Andreeva // Iskusstvo kino. 1990. № 5. S. 119–130. (Svobod. tema). Predisl. k publ. «Roza Mira».
12. Torchinov E.A. Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo. SPb.: Tsentp «Petepbypgskoe Vostokovedenie», 2005.
13. Torchinov E.A. Religii mira: opyt zapredel'nogo. SPb.: Tsentp «Petepbypgskoe Vostokovedenie», 1998.
14. Engel's F. Anti-Dyuring (1878). (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001015/st000.shtml>).

²⁹ Андреев Д.Л. Русские боги. Глава пятая. Из маленькой комнаты. VIII. Размах. (<http://rozamira.org/rm/rb/rb05.htm#8>).